

В. ШАБУНИН
НАША ПЕРЕПИСКА С ВОЛЮШКОЙ
1953—1970

Публикация А. Н. Мартыновой

В 1995 году родственниками В. Я. Проппа (1895—1970), выдающегося фольклориста XX столетия, был передан в его фонд (721), хранящийся в Рукописном отделе ИРЛИ, еще один замечательный документ — переписка ученого с его другом Виктором Сергеевичем Шабуниним. Переписка охватывает период с 1953 по 1970 год, последнее письмо Владимира Яковлевича датировано 10 августа и написано за 12 дней до его кончины. В течение 17 лет В. С. Шабунин получил от друга 182 письма и почти все сохранил. После потери друга, которую он тяжело пережил, В. С. Шабунин собрал его и свои письма, расположил их в хронологическом порядке, скопировал, снабдил предисловием и пояснениями и объединил в одну рукопись. Ее объем 156 машинописных страниц (через 1 интервал). К сожалению, подлинники писем после смерти В. С. Шабунина, по свидетельству его родственников, утрачены. При перепечатке писем В. С. Шабунин произвел купюры, «не затрагивающие характера писем», как он отмечает в предисловии.

В настоящем издании публикуется часть рукописи, подготовленной В. С. Шабуниним, — переписка 1953—1962 гг. Все примечания В. С. Шабунина даются со знаком звездочка (*) внизу страницы, купюры, сделанные им, отмечены отточиями в ломаных скобках. Комментарии автора данного предисловия отмечены цифрами и приводятся в конце публикации.

Выражаю искреннюю благодарность Л. Н. Пропп и А. М. Проппу за помощь при подготовке рукописи к печати.

А. Н. Мартынова.

Эта переписка обнимает период с начала декабря 1953 года, когда мы с Волей вновь «нашли» друг друга после долгой разлуки, — по август 1970, когда Волюшка умер.

Она далеко не полна. Волины письма сохранились лучше. Они-то и составляют основной материал последующих страниц. Моих же писем уцелела лишь небольшая

часть: от целого десятилетия с февраля 1954 по январь 1963 года, а также за весь 1965 год не сохранилось ни одного письма.

Текст писем оставлен неприкосновенным, без какого бы то ни было редактирования. Произведены лишь отдельные купюры, не затрагивающие характера писем. Приведены некоторые мои дневниковые записи и отдельные пояснения.

В. Шабунин.

Февраль 1972 г.

Запись в моем дневнике от 5.12.53 (местами сокращена).

Был у меня в годы юности друг — Воля Пропп. Сейчас не могу припомнить, кто нас познакомил и когда именно. Думаю, что это было году в 1916-м. Он был скромный молодой человек тремя годами старше меня. Все силы его, все интересы были обращены к жизни внутренней — умственной, духовной. Мы с ним быстро сошлись, стали встречаться, вместе читали сочинения философского характера, обсуждали их.

Он очень серьезно относился к вопросам этики, к жизненному долгу человека. Пробовал писать и на русском языке и на немецком, который был ему более близок (в частности, хотел писать повесть «Der arme Johannes».¹ Бывал у нас в Лесном, и мы бывали у него. Помню, что он у нас в Лесном читал в узком кругу «Двенадцать» Блока, и мы спорили о том, каково же отношение Блока к революции...

Это была содержательная дружба.

Затем жизнь нас развела на долгие годы.

Вернувшись осенью 1946 года из Германии (по окончании войны), я как-то случайно напал на одну научную работу Воли — о русских сказках.² Я прочел эту вещь с большим удовольствием, наслаждаясь чудесным, каким-то «мягким» языком и глубоким проникновением в тему исследования.

Однако, тогда я сразу не предпринял шагов к розыскам Воли: моя жизнь была слишком неуставившейся, я слишком остро болел своим уходом от семьи...

Затем жизнь понемногу наладилась. Ко мне приехала из Риги Евдокиюшка³ и тоже стала работать в Академии:⁴ я — в Научном отделе, она — в Баролаборатории. Я получил две комнаты в новом доме Академии, мы оформили свой брак. Здоровье Евдокиюшки улучшилось.

Думаю, что именно в связи со всем этим во мне как-то сама собою проснулась память о Воле. Я узнал через адресный стол его домашний адрес и написал ему. Он откликнулся немедленно — сердечным, родным письмом.

Так началась наша переписка.

Ленинград, 2 дек. 1953.

Дорогой мой!

Не могу Тебе сказать, как Ты меня обрадовал! Сколько раз, проезжая мимо Академии, я вспоминал то общежитие, с окнами на Нижегородскую, где я у Тебя бывал. Я помню и дом ваш * и бабушку, которую так берегли, и папу, который учил меня глубинной посадке картофеля и сам делал сахарин. Я помню Твою чудесную маму, и как она пошла в учительницы, и как любила детей, и Женю (т. е. Евгению Сергеевну)⁵ очень хорошо помню. Вы были похожи друг на друга, оба румяные и немного круглолицые. В вашем доме мне нравилось все, решительно все: и просторные комнаты, где мало вещей, и окна в сад, и крыльцо. Я помню даже плов из баранины и риса — несмотря на голод, гостепреимство было русское. В Твоей комнатухе Ты мне показывал Эккартсгаузена.⁶ Теперь мы уже ни во что не верим, но тогда верилось в многое, и вспоминаю я это время как далекое детство.

Да, мы и переменялись, и нет. Я все так же люблю жизнь, но не люблю тех отвлеченностей, которым мы тогда предавались. Я стал любить все обыкновенное, самое обыкновенное и простое.

Последнее, что я помню о Тебе, это письмо из Новозыбкова.** Верно? С тех пор ничего, и вдруг такая радость!

Про себя могу сказать, что в жизни я, вообще говоря, был счастлив. Я тоже женат вторично,⁷ у меня трое детей,⁸ которых я нежно люблю. Старшей дочери уже 29 лет, а мне 58. У меня был инфаркт, сердце надорвано, и я полуинвалид, но духом и умом пока бодр.

Но не стоит говорить о себе. Лучше нам повидаться и все друг о друге рассказать. У меня сейчас больна жена, и потому мне лучше приехать к Тебе, если это можно. В субботу вечером я буду занят, а в воскресенье я свободен. Я приехал бы к Тебе часов в 5, часика на два. Если не можешь — черкни. Звонить в Университет бесполезно, т. к. телефон внизу, а я работаю наверху, и никто не пойдет меня звать. Если это тебе неудобно, я буду ждать Тебя у себя в субботу днем или в воскресенье утром.

Твой Воля.

Ленинград 40, ул. Марата 20, кв. 37.

Запись в моем дневнике от 5.XII.1953.

На следующий день Воля действительно был у меня — невысокий, крепко постаревший и ссутулившийся, в очках, которые дужкой оправы дают ему на нос и затрудняют отток крови, — но все такой же милый, с интенсивной внутренней жизнью, со спокойным, глубоким взглядом своих ясных карих глаз, с глубокой дружественностью своего отношения ко мне... Он пробыл у нас около двух часов,

* В Лесном.

** Я был в Новозыбкове в 1918 г. в составе 5-го Экспедиционного санитарного отряда Красной Армии.

поужинал с нами... а затем вскоре письмом (от 15.XII.53) позвал нас к себе:

Ленинград, 15.XII.53.

Дорогой Витя!

мне очень хочется повидать Тебя и Евдокию Ивановну. На неделе это никак не выйдет, т. к. перед экзаменами я занят сверх меры каждый день. Но в воскресенье я свободен, и если Ты вечером, вокруг семи, сможешь побывать у нас вместе с женой, мы будем очень рады. Моя жена, Елизавета Яковлевна, также ждет вас. Если можете быть — никаких писем не надо. Если заняты и не можете — черкни строчки две.

Любящий Тебя

Воля.

Мой адрес: улица Марата 20, кв. 37. Дом — против Колокольной. Если ехать трамваем № 9 (22, 28, 34), сходить у Кузнечного. Если автобусом — у Владимирского собора и подняться по Колокольной. Второй двор, налево, первый этаж. Трущобным видом двора не смущайся.

Запись в моем дневнике:

В намеченный день Евдокиюшка не могла быть, и я ездил к Воле на улицу Марата один. В беседе с ним я узнал, что им закончен большой труд, над которым он работал последние 10 лет, — о русском героическом эпосе.⁹ Труд этот должен быть издан Университетом.

Из этого посещения я вынес хорошее чувство, вызванное соприкосновением с чистой и глубокой личностью.

Письмо Воли:

27.XII.53.

Дорогой Витя!

Ты меня глубоко тронул тем, что как друг и как врач понял мое депрессивное состояние в связи с предстоящим обсуждением моей книги. Могу Тебе теперь сообщить, что она прошла более чем благополучно. Постановлено книгу включить в план издательства 1954 года, назначен ответственный редактор, установлены сроки. Критических замечаний почти не было, а те, какие были, были дельные. Самое тяжелое для меня всегда — это непонимающая глупость с повадками безапелляционной авторитетности. У меня это всегда вызывает сжатие мысли и сосудов и полную неспособность реагировать. Этого не было совсем, а было глубокое, настоящее понимание и полное признание. Депрессия начинает проходить.

До 23-го января я сплошь экзаменую. Знаю, что и Ты в это время занят. После 23-го я зайду к Тебе совсем запросто, если позволишь — с аппаратом,¹⁰ т. к. у меня чешутся руки снять Тебя в Твоих комнатах, снять Евдокию Ивановну, увековечить Твои пейзажи.¹¹

Твой Воля.

2 февраля 1954 г.

Дорогой друг мой, Волюшка!

Сегодня получил Твое письмо, придя домой среди дня с работы. Как отраднo, что мы снова общаемся друг с другом!

А я прихворнул и теперь несколько дней буду дома. Уже недели две чувствовал себя неважно, но изо всех сил старался дотянуть до окончания отчета за 1953 год. Остался какой-нибудь день, да и то неполный, а я все же не выдержал и среди дня должен был сегодня уйти домой. Ну, все по существу уже сделано.

С великой радостью буду Тебя ждать к себе! Вот если Ты смог бы прийти в пятницу 5-го февраля часов в 8 вечера, — это было бы очень хорошо!

Я буду один, т. к. Евдокия Ивановна вечером будет на занятиях. Мы с Тобюю побеседуем о многом. Если Тебе почему-либо будет неудобно в пятницу. — приходи вечерком в субботу или в воскресенье.

Крепко жму Твою руку!

Привет домашним, которые мне очень понравились.

Твой Виктор.

Если сможешь, привези мне на память свою фотокарточку.

17.III.54.

Дорогой Витя!

Мне очень хочется Тебя повидать. Я теперь совсем свободен, переделку книги кончил полностью. Если можешь, приходи к нам с Евдокией Ивановной в воскресенье вечером. Мы были бы очень рады.

Я скучаю о Тебе. Как Твое здоровье? Мое, как только я перестал работать, сразу дало скачок вверх.

С нетерпением буду ждать Твоего письма.

Твой Воля.

1 мая 1954.

Дорогой мой Витя! Из того, что я Тебе пишу 1 мая, Ты можешь заключить, что раньше писать не мог, а теперь наступил праздник, и я решил все отложить, кроме радостей жизни. Было много возни с книгой, но теперь я уже снес рукопись в издательство; читал диссертации, дипломные и курсовые работы, писал срочные рецензии на огромные рукописи. И сейчас еще лежат две диссертации, но они не так срочны. Я волен и не читать, не работать, т. к. никто меня не неволит; служебного времени нет, но это еще хуже: создается психическая нагрузка, сознание бремени, которое лежит на мне почти всегда. Но сейчас я вырвался <...>. Я свободен от всяких служб и дел в четверг 6 мая. Если этот день Тебе удобен, я буду Тебя ждать примерно в 7.30. Жена тоже будет дома. Ты расскажешь мне про

свадьбу Твоего сына.¹² На днях мне исполнилось 59 лет.¹³ Да! Жизнь идет. А все-таки было хорошо пожить, и сейчас еще неплохо.

Жду Тебя, мой друг, тогда наговоримся.

Твой Воля.

(В Таллин, Козе 13, 106-й Дом Отдыха Флота, куда я ездил по путевке из Академии).

Разлив, 24.VII.54.

Дорогой мой Витя!

Мне очень любопытно было получить Твое письмо. Жаль, что Ты не увидишь красот Зегевольда и Вольмара. Впрочем, может быть это для Тебя и не прошло. По Твоему письму я очень хорошо представляю себе, как Ты живешь. В будущем году я вероятно буду жить в том же роде. Эстонцев я вообще люблю. <...>

Я проявил и напечатал Твой (т. е. мой) портрет, но вышло плохо, не посылаю.*

Сын мой нагнал на меня большую тревогу. На мед. осмотре обнаружили повышенное давление и повышенную температуру. Теперь он выздоровел, но осталась большая слабость, а надо учиться. Какое мученье для наших детей эти непрерывные экзамены. Ни один из преподавателей, дальше своего предмета ничего не знающих, не выдержал бы того, что требуют от наших детей. Я знаю, что вопрос об этом уже ставится в «сферах», но пока он найдет свое разрешение наши дети калечатся. Один из его товарищей, тоже поступивших на хим<ический> ф<акульте>т, на днях ночью скоропостижно умер. Я сына оберегаю, как могу.

Желаю Тебе хорошо отдохнуть! Елизавета Яковлевна жаждет увидеть мой портрет.

Твой Воля.

21 июня 1954.
(Разлив)

Дорогой Витя!

Наши с Тобой мысли опять встретились. Я все время чувствую разлуку с Тобой и часто о тебе вспоминал. У меня тоже много событий: сын кончил школу, у дочери родилась дочка,** на книгу подписан договор, и о ее будущем выходе пропечатали в нашей университетской газете. Только вот экзаменую я до одурения почти каждый день часов до 5—7 вечера. В перерывы езжу на дачу. Сейчас пишу Тебе с дачи. Встретиться здесь до 1.VII — чистая утопия. Меня очень устраивает Твой проект увидеться в первых числах июля. Отпуск у

* Летом 1954 г. я раза три ездил в Разлив к Воле на дачу и написал маслом его погрудный портрет, который для себя называл «Портрет друга».

** Дочь Мусеньки Танечка.¹⁴

меня с 1-го, 2-го получу зарплату, а потом я вольная птица на 2 месяца.

Пока я намечаю быть у Тебя с аппаратом 30.VI вечером или 1-го вечером. Можно и 2-го. Пока еще точно не могу сказать, как все сложится. Можно и 7-го, когда начнется отпуск у Тебя. Одним словом — скоро увидимся.

Передай мой сердечный привет Евдокии Ивановне. Я жажду видеть ее снимки. Скажи ей, что я хотя и экзаменатор, но глубоко сочувствую бедным экзаменуемым (точнее — истязаемым).* Студенты меня одобряют, а администрация косится за либерализм. Но я знаю что делаю, когда ставлю 5, 4, 3 и 2.

До скорого свидания!

Твой друг
В. Пропп.

20 сент. 1954.

Дорогой мой Витя!

Как хорошо, что Ты мне написал! Когда Ты от меня ушел, я вдруг как-то испугался за Тебя. Пока мы оживленно беседовали, я не так замечал Твой одышки, а когда Ты ушел, меня вдруг будто чем-то стукнуло: Твоя одышка мне сильно не понравилась, и я пожалел, что так отпустил Тебя, надо было дать Тебе сына в провожатые. Я думал, что Тебе станет хуже от вылазки ко мне с тяжелым пакетом.** Теперь оказывается, что все в порядке, что Ты уже на работе, по письму видно, что Ты вполне бодр. У меня камень с души. Я хотел Тебе писать или заехать к Тебе, но Ты меня опередил.

Мы с Елизаветой Яковлевной говорили о Тебе. Она Тебя понимает и одобряет. Твоя живопись ей нравится без всяких «но». Наши вкусы с ней сошлись. Лучшими она считает портрет Тонкова, Смольный с Невой и серебристый тополь. Кстати: проезжая на автобусе мимо Дома Офицера, я прочел, что там открывается выставка художественной самодеятельности военных. Прием до 1 октября. Может быть, ты захочешь выставиться? По-моему, стоит и следует. <...>

Как только надумаешь притти к нам — черкни открыточку. Ты у нас, как свой <...>.

Твой Воля.

20.X.54.

Дорогой друг, — Ты не будь на меня в обиде, что я так долго Тебе не отвечал. Никак было не собраться. У меня на столе и рояле несколько тысяч страниц, которые надо отредактировать, отрецен-

* Е. И. в то время училась на вечернем отделении Педагогического Института им. Покровского.

** Я приносил показывать свои летние этюды, таллинские.

зировать, проверить и т. д. Это какой-то кошмар, от которого я не сплю. У меня уже делается почти хроническая мигрень.

Как я реагирую на Твое решение?* Вот как: я Тебя от всей души поздравляю. Поздравляю Тебя с тем, что хоть под старость Ты будешь свободен, волен, можешь жить творчески. И если раньше еще могли быть сомнения хорошо ли Тебе будет, не имея прямых обязанностей, то теперь, когда Твое здоровье очень пошатнулось, не может быть уже никаких сомнений, и можно только порадоваться за Тебя, что Ты имеешь возможность поступить так, как Ты поступил.

Вернулась из Халлила наша племянница. Она познакомилась там с Евдокией Ивановной, говорит, что она чувствует себя хорошо. Весела и жизнерадостна.

Где Ты сейчас? Я очень, очень соскучился о Тебе, мечтаю Тебя повидать. Хочу к Тебе, буду ждать Твоего сигнала.

Когда Ты уйдешь в отставку, мы будем видеться чаще, запросто. Что у Тебя нашли? Как только Ты выйдешь на свободу, Ты от одного только удовольствия вольно дышать сразу выздоровеешь.

Целую тебя крепко.

Твой Воля.

18 (?).XII.54.

Дорогой мой Витя!

Пишу Тебе это, лежа в постели. Я таки свалился, не выдержал до конца. Сперва было худо с сердцем, продержали дома неделю, теперь с кишечником. Говорят, что может быть дизентерия, а может быть и нет. Держат на карантине.

Зато отдыхаю душой и вот могу спокойно написать Тебе письмо. Ты спрашиваешь, как нам у вас понравилось.** Что до моей жены, то я ее ревную к моему vis-à-vis за столом***, которого имени я не помню, так как у Тебя было в достаточном количестве Цинандали, оно же Грузинское № 1, на которое я и налегал вместе с православной, минуя сладостно-ароматические вещества нашего Востока. Я ушел в прекрасном настроении, но имен уже не помню. Так вот она и пленилась и его рассказами о Ферсмани и автозаводе, а мне рекомендовала поинтересоваться его женой. Но я к ней остался совершенно равнодушен.

Об угощении и говорить нечего. Так я хотел бы ужинать каждый день! Поблагодари, пожалуйста, милейшую Евдокию Ивановну от моего имени и от имени Елизаветы Яковлевны за гостепреимство и теплоту. Увы! Сейчас меня держат на протертых кашках, и аппетитные салаты для меня теперь превратились в воспоминание о прошлом и мечту о будущем. Зато я познал сладость полного безделья

* Выйти в отставку.

** Воля был у нас с Елизаветой Яковлевной на дне моего рождения.

*** Георгий Алексеевич Васильев, хирург, интересный человек и блестящий рассказчик. Встречался с академиком А. Е. Ферсманом на Кольском полуострове, когда работал в г. Кировске.

и душевной беззаботности. С меня теперь ничего не возьмешь — никаких рецензий, отзывов и пр. и пр. Если тебе не пишется, не надо, не пиши, отдыхай. С нового года начнет светлеть, тогда и настроение будет другое.

До нового года я Тебе еще напишу.

Твой Воля.

31.XII.1954.

Дорогой мой Витя!

Последний раз я пишу 1954. Поздравляю Тебя и Евдокию Ивановну с Новым Годом! Желая Тебе только одного: чтобы Ты в этом году освободился и мог бы предаться своему любимому делу, к которому Тебя ведут и склонность, и талант. Успехи придут сами. Только бы здоровье не подкачало. Все, что Ты пишешь, мне было очень интересно. Отзыв художника, который видел Твои работы в Выборгском Д. К., меня нисколько не удивляет. Важно то, что он профессионал и понимает дело с технической стороны, а мы, любители, судим только по впечатлениям. Твое стремление еще учиться, читать и совершенствоваться, мне глубоко понятно: это знак горения, творческого движения вперед. Как я счастлив за Тебя, и как бы мне хотелось, чтобы Ты вынес удовлетворение! Темперамента у Тебя хватит.

Я, конечно, большая свинья, что так долго не отвечал Тебе. Но, помнится, в одной из наших бесед мы установили, что друг — это тот, на которого Ты никогда не сердисься. Так вот, Ты на меня не сердись! Внутренняя причина была в том, что я болел и всякая инициатива, даже самая маленькая, мне была трудна. А внешняя — я не знал до вчерашнего дня своего расписания на январь, а также расписания моей жены. Теперь я знаю. Мы будем ждать Тебя с Евдокией Ивановной в среду, 5-го января 1955 года (на этот раз проверено по календарю) этак часов в 8. Гостей не будет, только вы. С 6-го у меня начнется экзаменационная каторга. Итак: ждем! Я совсем выздоровел и по случаю того, что у меня будет 2—3 дня роздыха, и что надо мной ничего не висит, и что уже не надо так ужасно напрягаться, — я в прекрасном расположении духа. В таком расположении я буду до 5-го числа включительно и в таком расположении буду ждать вас.

Новый год будем встречать без елочки и без молодежи — они устраивают без нас. За них я рад, но без них скучновато.

Сердечный привет Евдокии Ивановне. Ждем!

Твой Воля.

20.I.55.

Дорогой мой Витя!

Письмо Твое я получил вовремя, но на выставку не пошел. Мне не только на выставку, но даже побриться некогда. Я получил корректуру своей книги,* причем всей сразу (555 страниц) с совершенно

* «Русский героический эпос».

сумасшедшим графиком, невыполнение которого вызовет простой машины и соответствующие неустойки. Поэтому, когда я не экзаменую, я день и ночь правлю. Уже сделал половину, притом в срок. Кроме того, в начале февраля меня вынуждают выступить с докладом о 50-летию революции. А когда готовиться, об этом не говорят. Кроме того — ну, хватит и этого. Не предвижу, когда начнется передышка, вероятно, в начале февраля.

Коненкова¹⁵ я давно люблю и знаю. В Москве лет 35 тому назад я был в его мастерской, видел его стариков-лесовиков, вырезанных из деревянных колод. Не забыть вовек. У меня есть номер «Аполлона» со статьей о нем и с иллюстрациями. Когда приедешь ко мне, я покажу Тебе.

Я мечтал забежать к Тебе как-нибудь хоть на полчаса, но сейчас не выйдет. Экзамены кончатся в субботу, будет немножко легче, но тогда я засяду за доклад. Да, попал я в переделку! Но зато хоть интересно править книгу, делаешь вещь, которую можно взять руками!

Кланяюсь низко Евдокии Ивановне и желаю Вам обоим здоровья.

Твой Воля.

В тот день, когда я Тебя звал, приехала неожиданно сестра Альма,¹⁶ которая Тебя хорошо помнит и кланяется Тебе.

Репино 14.II.55.

Дорогой мой Витя!

Не удивляйся! Я в Репине, в здравнице. До 12-го я был все так же занят. 12-го читал свой доклад, сделал последнюю корректуру своей книги, 13-го вечером думал к Тебе, но помешали — пришли, а с 14-го я совершенно свободен. Студенты на практике, и я месяц гуляю помимо отпуска. Сейчас я в здравнице, здесь солнце, снег, воздух, тишина... Буду здесь до 9-го марта.

Тебя от души поздравляю,* как бы хотел Тебя видеть! Видно, придется отложить до возвращенья. Теперь я могу постричься, сходить в баню, отдышаться и притти в себя.

Пока пишу Тебе только это! Привет Тебе и Евдокии Ивановне. Я здесь уже сделал 50 снимков.

Для Тебя начинается новая жизнь, и я всей душой с Тобой. Талант всегда найдет себе дорогу — так и Ты.

Целую Тебя крепко.
Твой Воля.

Мой адрес:
Репино. Просп. Репина 46.
Здравница «Репино», корп. 1, комн. 11.
Писать можно и на дом, мне привезут.

* С увольнением в отставку.

Репино, 19 февр. 1955.

Дорогой мой Витя!

Как медленно подвигается дело Твоей отставки! Надеюсь, что в марте ты навсегда освободишься от служебного долга и перейдешь целиком на творческую работу. Твою идею создания портретной галереи недаром встретили аплодисментами! Но я хочу Тебе сказать вот что: по Твоему совету я с женой урвал часа два и побывал на выставке в Академии Художеств. Там много пейзажей. Жена сказала: у Шабунина есть вещи лучше, а я сразу это подтвердил. Не оставляй искусства пейзажа, в них настроение, душа; портрет проф. Тонкова всегда будет портретом Тонкова, а пейзаж Шабунина будет пейзажем Шабунина, а не кого-нибудь. Ты и сам, наверное, после портретов захочешь к воде, березкам, болоту, небу. Одним словом, будь вроде Репина!

Здесь я отдыхаю всем телом, а душой меньше. Сын болен ангиной, и мне иногда кажется, что надо было бросить здравницу и ехать домой. Скучаю по дому. Обещала навещать дочка. Но мне и самому приходится наезжать в город, т. к. отпуска я не имею. Эти поездки меня очень утешают. Как только вырвусь, приду к Тебе. Здесь я ничего не делаю, кажется, в первый раз в жизни.

Низко кланяюсь Евдокии Ивановне и желаю ей скорее полностью завладеть мужем, чтобы не ходил в Академию!

Твой друг Воля.

15.IV.55.

Дорогой мой Витя!

Я за Тебя в большой тревоге. Все ли у Тебя благополучно? Напиши мне пожалуйста. В последний раз Ты дышал плохо. Я боюсь зайти к Тебе, чтобы не притти некстати. Напиши мне о своем состоянии. Можно ли заглянуть к Тебе запросто на полчаса? Если можешь, приходи ко мне, я соскучился об Тебе. Занят я бываю по средам вечером всегда, по четвергам и пятницам иногда. Одним словом, время и место нашего следующего свидания зависит от Тебя.

Держи свободным 1-ое мая. В этот день мы будем ждать Тебя с Евдокией Ивановной. Мне исполнится 60 лет, а жене 50. Много? Теперь я более свободен, чем в 1 семестре, а Ты тем более. Хочется теперь видаться почаще.

Одним словом — с нетерпением жду Твоего письмеца.

Твой Воля.

(На конверте моя пометка: «Поехал к нему в тот же день»).

<4 или 5 мая 1955>

Дорогой мой Витя!

Празднование моего юбилея ¹⁷ состоится в пятницу (так!) шестого мая (так!) в семь часов вечера. Университетская набережная 11, Филологический факультет, 3-ий этаж, аудитория № 30, она же кабинет русской литературы. Я на Твоем чествовании не был, но для меня была бы большая радость, если бы Ты был на моем.

Я написал бы раньше, но не знал часа. Вывесили только вчера.

Твой Воля.

Запись в моем дневнике.

7.V.1955.

Вчера в Лен. Гос. Университете, на филологическом факультете состоялось чествование Воли в связи с его 60-летием. Кабинет русской литературы (= аудитория № 30) был полон, часть присутствующих даже стояла. Было до 12-ти выступлений, в том числе от Пушкинского Дома, от 1-го Института иностранных языков, от Инст. имени Герцена, много выступлений от Университета...

Была оглашена часть из добрых двух десятков поступивших телеграмм, в том числе телеграмма от Жирмунского,¹⁸ от Адриановой-Перетц,¹⁹ от Эйхенбаума ²⁰ (товарища юности)...

В своем большом и умном ответном слове Воля говорил о том, чем был для него Университет. Вспомнил своих учителей, своих товарищей, часть которых стала видными учеными. Говорил, что в их кафедре работать легко и дышать легко. С теплотой говорил о том, насколько его поднимает общение со студентами и молодыми аспирантами. Сегодня я написал ему следующее письмо:

7 мая 1955.

Утро.

Милый, дорогой мой Волюшка!

Пишу Тебе под свежим впечатлением вчерашнего Твоего чествования в связи с 60-летием.

Хорошее было чествование — теплое, простое, искреннее, лишенное всякой шумихи! Я сидел «в гуще» студенчества (а может быть и молодых аспирантов) и мог в самой непосредственной близости наблюдать их отношение к Тебе — по выражениям лиц, по горячим, бурным аплодисментам. Справедливо говорили вчера, что Твой юбилей был праздником для собравшихся: я это испытал на самом себе в полной мере!

Но есть еще одна сторона во вчерашнем собрании: оно помогло мне глубже понять и оценить Твое значение, как ученого, в изучении народного поэтического творчества. Это собрание показало мне, как широко признан Ты в качестве одного из наших ведущих ученых-фольклористов. И особенно волнующе прозвучали голоса студентов и бывших Твоих учеников, благодаривших тебя за то, что Ты научил

их видеть красоту народных сказок и былин и любить народное творчество.

Да, мой друг, я думаю, что для того, чтобы сделать что-нибудь значительное в изучении фольклора, нужно было обладать Твоими качествами: нужно было любить народ, глубоко — всем сердцем и сознанием — постигать эстетическое и этическое значение его творчества, чувствовать высоту этого творчества, если хочешь, — даже преклоняться перед ним в какой-то мере. Это значит, что нужно было быть не только человеком мысли, но и человеком большой живой души, чуткой ко всему прекрасному и высокому. — Уж позволь мне один раз быть откровенным в своих высказываниях!

Мне кажется бесспорным, что Ты нашел настоящее дело своей жизни в изучении фольклора. И фольклор нашел в тебе своего талантливое исследователя. А мы все от этого много выиграли!

Дорогой мой! Я непременно, непременно хочу иметь Твою книгу, как только она выйдет из печати, и очень бы хотелось — прямо из Твоих рук и с Твоею надписью. Она явится одной из самых моих больших семейных ценностей.

И еще два слова. Вчера, когда Тебе стали подносить одну за другой корзины цветов, то их сначала попытались ставить на стол перед Тобой. Но этим Ты был загорожен от собравшихся, и цветы перенесли к стене. Получилось, что мы видели тебя на фоне цветов. — И у меня там же родилась мысль написать Твой портрет в той одежде, в которой Ты был вчера, и на фоне поднесенных Тебе цветов, т. е. так, как Ты запечатлелся вчера в моей памяти. Это будет попыткой создать воспоминания о Твоем юбилее, — и это будет поэтическим портретом. И, разумеется, этот портрет был бы уже для Тебя!*

Я думаю, что при всей весьма вероятной его слабости он будет для Тебя приятен, как память обо мне: ведь никто, кроме меня, из присутствовавших вчера на Твоем юбилее, этого сделать не может и не сделает!

Крепко Тебя обнимаю, мой старый, мой дорогой друг!
Все мои лучшие пожелания с Тобою!

Твой всегда Виктор.

11.VI.55.

Дорогой мой Витя!

Теперь могу Тебе окончательно сказать, что в Новгород ехать нам не придется.** Когда после спада воды пошли в дом матери нашей предполагаемой хозяйки, то оказалось, что он сильно пострадал и жить в нем пока нельзя. Все мокрое, набухло и не закрывается

* К сожалению, тогда портрет остался ненаписанным: квартира Воли была слишком темной. Свой замысел я осуществил несколько позже: в начале 1956 года, у меня на ул. Смирнова, для чего он приезжал позировать восемь раз.

** Мы много лет мечтали с Волей поехать куда-нибудь вдвоем, в частности, в Новгород. Но всегда что-нибудь мешало. Так нам и не пришлось отдохнуть вместе.

и пр. Требуется длительная просушка, а затем ремонт. Это очень жаль, т. к. я сейчас устал и был бы в настроении ехать и освежиться.

Надеюсь на той неделе (скорее всего что в среду) забежать к Тебе.

Моя книга поступила на склад и скоро выйдет. М. б., на той неделе.

До скорого свидания!

Твой Воля.

(Из здравницы «Репино»)

<11.VII.55>

Дорогой мой Витя!

Я, конечно, очень перед Тобой виноват, что оставил Тебя без известий, не заходил <...>. Дело в том, что я со дня на день ожидал выхода в свет книги и хотел придти к Тебе с торжеством. Но книги нет и нет, и я уже накануне отъезда зашел к Тебе, чтобы попрощаться, а Ты уже уехал. Книга же не выходит в продажу потому, что типография выполняет срочный правительственный заказ — отправляет учебники. Обязательные экземпляры уже разосланы, она уже есть в библиотеке Академии Наук.

Где Ты? Напиши мне хоть кратенько. Я опять в Репине, здесь спокойно и хорошо.

Пишу Тебе это, сидя на почте, а за моим пером со злобой следят ожидающие очереди.

Пиши! Здесь такая отрада получать письма! Ты хотел и сам приехать навестить меня. Я пробуду здесь до 30-го июля.

Твой Воля.

Ленинград, Курортный район Репино,
здравница «Репино», корпус 1, палата № 12-В.
Привет от меня Евдокии Ивановне.

(В Дом Отдыха «Звенигород»)

15 авг. 1955.

Дорогой Витя!

Читал Твое письмо с наслаждением от слова до слова. В одном только я оконфузился. Из письма Евдокии Ивановны я понял, что она уезжает к Тебе, и потому на ее письмо ей не ответил. Сейчас она, наверное, с Тобой, и Ты передай ей от меня извинение в моей невольной неужливости.

<...> Я с Тобой не согласен, что Ты пишешь медленно. Ты пишешь феноменально быстро; но Ты изголодался по искусству и потому пишешь жадно, и Тебе все кажется, что можно бы еще быстрее, а быстрее уж нельзя. Я думаю, что скоро Ты начнешь писать медленнее. Я понимаю и разделяю Твое стремление к колоритности.

Всякий портрет есть (или должен быть) и картина. Он может быть предложением для симфонии красок, которая радует глаз и вызывает ощущение счастья <...>

Я в городе, сижу над текстологической работой (редактирую сказки Афанасьева)²¹ с большим наслаждением. Увы — я филолог! Ничего нового я уже не создам, да и не стремлюсь. Полезен еще могу быть и радости жизни еще понимаю, и то хорошо.

Целую тебя сердечно, привет и 10 000 извинений Евдокии Ивановне! Постараюсь свою вину искупить.

Твой Воля.

9.XI.55.

Дорогой мой Витя!

<...> Я приду к Тебе в воскресенье 20.XI между 7 и 8 часами. Елизавета Яковлевна очень благодарит, но она сейчас никуда не ходит, она застревает с диссертацией²² и считает каждый час. Сроки довольно грозные.

Я с удовольствием посмотрю теле-передачу, но и еще с большим удовольствием посмотрю на Тебя и на Твои картины. От телевизора глаза болят, а от живописи выздоравливают — от радости глядеть.

<...> Эти два дня я Тебе не писал, т. к. был не в форме, валялся на диване.

Сердечный привет Евдокии Ивановне.

Целую обнимаю.

Твой Воля.

Дорогой Витя!

Анонсирую Тебя, что я буду у Тебя в пятницу 27 января примерно в 11.30 (в зависимости от транспорта), бритым, при галстукке и вполне трезвым.* Позву предоставлю полностью Тебе.

Предвкушаю совместное с Тобой пребывание. После каникул я буду занят, кроме вторника и четверга, еще по средам. Четыре дня в неделю я буду свободен, так что торопиться нечего, не обязательно кончать работу в каникулы.

В избежание шуток почты посылаю письмо заказным.

Будь здоров, скоро увидимся!

Твой Воля.

23.II.56.

Дорогой Витя!

Чувствую и знаю, что Ты на меня сердит, но Ты, дорогой, не сердись! Надул я Тебя потому, что ошибся в расчетах: зубной врач

* Для позирирования. Я начал писать его портрет 27.I.56 и окончил 11.III.56.

отпустил меня не в 10.30, как я рассчитывал, а в 12.20. Ехать к Тебе с проспекта Римского-Корсакова с пересадкой уже не имело смысла.

Чтобы впредь Тебя не огорчать, я вижу только одно средство: единственный день, когда не может быть заседаний и пр. и пр. — это понедельник. <...> В ближайший понедельник буду в 11.30.

Чувствую, что Ты уже перестал сердиться.

Мне поставили три коронки сразу. Я думал, что коронки надедут — и все. А тут меня заставили держать их пальцем и сидеть в кресле, а сам уходил, кажется, завтракать. Потом меня два раза кормили кашей из гипса и тоже заставили сидеть, разинув рот. Сидеть моделью легче!

Зато теперь буду есть бифштексы и огурцы.

Я чувствую, что теперь Ты совсем перестал сердиться и даже рад за меня.

Твой друг
Воля.

23.IV.56.

Дорогие Витя и Евдокия Ивановна!

Мы с Елизаветой Яковлевной будем ждать вас во вторник (проверено!) первого мая часам к 8 вечера на наш ежегодный семейный праздник. Никого, кроме нас и вас не будет! Очень, очень ждем и зовем.

Твое письмо я получил. Надеюсь, что на педагогическую работу Ты не пойдешь. Педагогом интересно быть в средней школе, а в высшей преподаватели подобны крысам в «ревизоре»: пришли, прочитали лекцию и ушли прочь. Общение Тебе теперь нужно с художниками, а не со студентами. Я по-прежнему до пределов устаю, едва таскаю ноги. Работы даже не всегда бывает с избытком, но изнуряет то, что над душой всегда висит что-нибудь недоделанное. Завтра придут два дипломанта, а я еще не начинал читать их работ.

Теперь я думаю, что мне легче станет с 1 мая. За это Ты должен выпить 1 рюмку водки.

Рецензию²³ я читал еще до ее появления. За нее Ты должен выпить 1 бокал шампанского!

Пока можешь больше не пить, а возобновить это занятие с 1 мая. Крепко жму руку. Евдокии Ивановне сердечный привет.

Твой Воля.

Черкни мне пожалуйста, что Ты письмо получил, чтобы я был спокоен.

(На конверте моя пометка: «Ответил тотчас 24.IV.56»).

25.V.56.

Дорогой друг, Ты меня очень обрадовал своим письмом. Коротко: дача у нас снята в Тарховке, вещи уже свезены. У нас верх из двух комнат, кухни и балкончика. Бывать почти не приходится, т. к.

по-прежнему занят по горло. Думаю, однако, ехать в воскресенье утром (27 мая) на два дня. Но это еще не наверняка. Ты зайди к нам в субботу вечером показать новейшие работы и договориться.

Твой портрет решительно всем очень нравится. Он временно висит у меня на стене над дверью, т. к. это единственное место в деревянной стене, куда можно было вбить гвоздь без помощи пробойника. А для пробойника пока нет времени.

На даче я снимал лес с лужами, подснежники под елкой и вербы в воде. Красок пока мало, но вообще для открытого глаза красоты на каждом шагу.

Надеюсь — до скорого свидания.

Твой Воля.

Запись в моем дневнике:

10.XI.1956. По возвращении после летнего отдыха в Ленинград я принял участие в выставке работ военных художников Ленинградского гарнизона, организованной Домом Офицеров. <...> В окружной военной газете «На страже родины» за 21.X.56 корреспондент М. Пинич поместил заметку об этой выставке, содержащую следующие строки: «...Полковник В. Шабунин представил на выставку ряд портретов и пейзажей. Особый интерес вызывают его портреты. Выразительные лица офицеров — товарищей по службе, полный мысли и человеческого обаяния образ профессора В. Я. Проппа. Портреты <...> являются одними из лучших экспонатов выставки...»

10.I.57.

Дорогой Витя!

Я, конечно, свинья, что не ответил Тебе на Твое новогоднее письмо. Это произошло потому, что я сам хотел придти поздравить вас, но не хватило ни времени, ни пороха, все завтра — и так 10 дней. Спасибо Тебе за приглашение на Ива Монтана,²⁴ но в этот вечер мы были заняты срочной работой. Я экзаменую до потери сознания. Экзамены длятся до 2—4 часов, но вечером после этого я уже не гоюсь никуда, даже пальто лень надеть, хочется только лежать. Последний экзамен у меня 15-го, и после этого я к Тебе приду за просто и неожиданно, отдохнуть душой и телом. <...>

Спасибо, что не забываешь меня и на меня не обижаешься.

Твой друг

Воля.

Сочувствую Евдокии Ивановне. Много ли еще у нее экзаменов? Что до меня, то я уже ничего выучить не могу и не желаю!

28.I.57.

Дорогой Витя!

Мы будем у Тебя в среду в 5 часов, и Ты нас сведешь на выставку. У Тебя мы не задержимся и пальто снимать не будем, а сразу

пойдем на выставку, т. к. вечером у меня будут аспиранты и задержаться мне нельзя. Это не то, что Ты предлагаешь, но так нам лучше. Если Ты не можешь, то черкни. Молчание будет означать знак согласия.

Аппарат, молнию и широкоугольный объектив я прихвачу и надеюсь на успех.

Мы с Елизаветой Яковлевной жаждем видеть всего Шабунина.

Твой Воля.

(Речь идет о моей персональной выставке в клубе В<оенно>-М<едицинской> Академии в январе 1957 г. Было выставлено 50 работ: 16 портретов и 34 пейзажа. Воля снял все экспонаты).

29.X.57.

Дорогой мой Витя!

Я тоже болен гриппом, но без осложнений, как Ты. Вчера установилась нормальная температура. Одолевает слабость, апатия, ничего не хочу делать. Это только первый шаг к возврату к жизни.

Ты читал неизвестную мне книгу о неизвестном мне художнике. Я тоже читал о художнике и испытывал восхищение: это — мемуары Людвиг Рихтера (род. 1803),²⁵ который рисовал детей, крестьян, немецкие интерьеры с немецким уютом. Настоящий художник всегда совершенно национален. Люблю старину. Читая, понял, как мы все (т. е. во всяком случае я) одиноки. У нас нет привычки после работы ходить друг другу, общаться. У нас только работа, а после нее изменение.

Бедной Евдокии Ивановне достается! Зато жизнь наполнена, и наполнена тем, что составляет главное ее содержание. Привет ей от меня. Моя дочь и внучка²⁶ тоже болели гриппом.

Твой Воля.

Ленинград, 5.XI.57.

Дорогой мой Витя!

Хоть Ты мне писал, лежа в постели, а я уже брожу, но, по-видимому, Твое состояние несколько лучше моего: я чувствую небывалую слабость и апатию, ничего не могу и не хочу. Вследствие этого так долго не отвечал Тебе. Сегодня мне с утра немного лучше. Надеюсь, что у Тебя такого не будет, или что Ты переживешь это в постели.

Я очень хочу Тебя видеть, но пока никуда не хожу, кроме как — через силу — в университет, после чего лежу пластом. Но Ты, может быть, как-нибудь ко мне соберешься запросто, посидеть и поутешить меня.

Мне очень интересно все, что Ты пишешь о Жене.²⁷ Я помню ее студенткой I курса, и она мне очень нравилась. С тех пор я ее не видел. Ты передай ей от меня привет. Конечно, ей лучше бы выйти

на пенсию, но Ты не должен ее и других людей равнять с собой. Хотя Ты свою работу любил и знал, но она все же до некоторой степени была для Тебя тормозом, задерживающим заглушенные способности и таланты. Но я знаю случай, когда, например, артист филармонии, перешедший на пенсию в 72 года и переставший играть в любимом оркестре, смертельно, ужасно затосковал. Такой же случай с одним университетским преподавателем, который никакой исследовательской работы не вел, но был артистом педагогического дела, боготворим студентами. Ушедши на пенсию, не находит себе места, приходит в университет просто так, потому что чувствует себя выбитым из жизни. Со мной такого не будет: я всегда найду себе исследовательскую работу, а также развлечения вроде театров, концертов и музеев, чего я сейчас почти полностью лишен. Но я не могу этого сделать по материальным соображениям: надо еще поднять сына. Да и желания у меня пока еще нет. Лекции читать я тоже очень люблю, и пока еще это у меня выходит.

Я очень за Тебя счастлив, что у Тебя удачно сложилась Твоя новая семейная жизнь <...>

Пишу на машинке, мне это почему-то легче, чем пером, хотя я и понимаю, что письмо, писаное от руки, обладает каким-то ароматом, каким машинопись не обладает. Ну, все равно!

Передай мой сердечный привет женской половине Твоего дома. Может быть, я как-нибудь и забегу, как только мне станет немного лучше.

Твой Воля.

(В Алушту).

13.V.58.

(отправлено 21.V)

Дорогой мой Витя!

Очень рад за Тебя и за Евдокию Ивановну и Таточку,²⁸ что у вас все складывается так хорошо <...>

У меня две радости, одна большая и одна маленькая. Большая радость состоит в том, что я купил пианино, продав стол, чтобы освободить место. Теперь я могу иногда играть. Пианино неважное, но вполне приличное. Другая радость, маленькая, состоит в том, что меня выдвигают в члены-корреспонденты Академии Наук СССР. На две вакансии в Ленинграде выдвинуто 4 кандидата. Но радость эта весьма условна потому, что из ленинградских никто не пройдет, а пройдут московские, т. к. в них больше покорности и они близки к сферам, а мы на периферии вольнодумствуем.²⁹

Я опять в полосе ужасной занятости <...>

Целую Тебя и жду еще писем.

Твой Воля.

(В Алушту).

20.VI.58.

Дорогой Витя! Прости, что так долго Тебе не писал. Как ты знаешь, я бесконечно экзаменую, и вечерами болит голова. Живем мы по-старому. Луиза³⁰ с внуком на даче, а мы пока в городе.

Недавно в книжном магазине меня кто-то окликнул. Смотрю — Твой сын Андрей Викторович! Он в отпуске ненадолго. Я назначил ему день свидания. Он себе записал, но... не пришел. Вероятно, бедняжка, очень занят, разрывается на части. Мне было жаль, потому что он очень симпатичен. Он очень похож на свой портрет!

Писать пока больше нечего, но Ты мне пиши. Скоро (числа 1.VII) я освобожусь, поеду на дачу, тогда буду писать длинные письма.

Я ничего не читаю, но на рояле иногда играю. Неважен именно звук, т. к. хороших вообще нет, они продаются по каким-то неведомым мне каналам, от 10 000 и выше. А мое стоит 4500 и вполне прилично. В комиссионных разбитые инструменты стоят 5000, неразбитые, но плохие — 7000. А мое пианино хотя и не стоит проданного мной рояля, но звук его неплох.

Целую и обнимаю.
Твой Воля.

Кланяйся Евдокии Ивановне и Таточке. Нет ли снимков?

(В Алушту).

27.VII.58.

Дорогой мой Витя!

Я уже давно должен был Тебе написать. Но Твое письмо такое, что оно требует не просто «ответ», а встречное письмо, а на это нужно не только время (время у меня сейчас есть), но и особое настроение. Сегодня оно появилось.

Ты пишешь, что стал бы со мной беседовать по вопросам эстетики. Но я Тебе скажу, что я, как Гете, ненавижу всякую философию. Я признаю только изучение фактов и выводы и обобщения. Это — моя профессия. Все остальное — мнения, тайная пружина которых — видеть мир иным, чем он есть. Мое *sedo*³¹ — чувственное восприятие мира. А сквозь него — умение видеть то, что кроется за вещами, т. е. умение «провидеть». Это и делает художник и писатель. Поэтому я люблю тех писателей, которые описывают реальность, а сквозь эти описания тебе открывается «мир иной», но не мир Мамина-Сибиряка и иных, а Чехова, или Толстого, или Репина. Искусство вне философии. А как только оно сочетается с философией, оно перестает быть искусством. Таков социалистический реализм, который меня до такой степени не трогает, что я лучше буду два часа глядеть в окно, чем читать роман из современности: от них у меня болит голова этак минут через пятнадцать.

Теперь о твоей дочери. Перчитывал с истинным восхищением «Анну Каренину». Вот кто был провидец! (кроме тех страниц, когда он начинает философствовать — но их можно пропустить). В женской природе есть что-то исконно неблагополучное. Очень немногим удастся преодолеть эту свою природу. Неблагополучие это состоит в неспособности видеть прямо. Собственно женщине в первую очередь нужен самец. Когда его нет, создается величайшая трагедия для женщины. Но когда он есть, она свое мироощущение приписывает самцу. Она думает, что ему тоже в первую очередь нужна самка. Отсюда патологическая ревнивость женщин — вот что сумел провидеть Толстой. Но эта ревность касается не только мужей, но и всего, что связано с своей семьей. Поэтому она ревнует своих детей к детям первого брака. «Мачеха» есть явление, известное фольклору всех народов, но совершенно неизвестен отчим. Это же относится ко всем другим семейным связям. Мне кажется, что дело не в том, что Андрей Твой сын, а Галя³² — дочь своей матери, а в том, что он воспринимает мир так, как свойственно мужской природе, а она — как это свойственно ее женской природе. И если бы у Тебя было 5 дочерей, со всеми было бы так же. Поэтому женские «капризы» надо уважать и понимать. Мнимая трагедия женщины есть самая настоящая трагедия ее. Поэтому Анна бросилась под поезд, хотя ее муж любил ее самой сильной и глубокой страстью, на какую способен мужчина.

Я мог бы еще долго писать в этом роде, но чувствую, что хватит. О нас писать почти нечего. Я со всей семьей живу на даче, Елизавета Яковлевна в городе пишет диссертацию. Это ужасно, но сделать я ничего не могу.

Пиши мне еще. Не тревожна ли обстановка на юге? Сын хочет ехать, дочь тоже, а я в тревоге. Поцелуй ручку Евдокии Ивановне, а Таточку куда угодно.

Твой друг

Воля.

20.XII.58.

Дорогой Витя! Мне кажется, что Ты сейчас живешь дальше от меня, чем летом, когда был в Алуште. Я занят выше головы и очень устаю, но не теряю надежду как-нибудь заехать к Тебе и повидать Тебя. Может быть это даже будет скоро. Каникулы у нас в этом году будут в феврале.

Я неожиданно для себя и других пишу новую книгу — о Гоголе, и о природе смеха и комического.³³

Ну, целую, привет Евдокии Ивановне и Таточке.

Твой Воля.

Запись в моем дневнике:

16.II.1959. Больше всего люблю бывать у Волюшки. Но бываю не часто, учитывая его занятость.

Дорогой Витя!

Ты отгадал. Я забрался в Заманиловку и наслаждаюсь весной. Наслаждаюсь я так: ровно в 7 часов утра сажусь за стол и работаю до 1 часа дня с перерывом на 10 минут, когда хозяйка приносит кляток, который я пью с сахаром и черствой булкой. С 1 ч. до двух я гуляю по парку или по дорогам. Черные пятна земли на белом снеге, близкие и дальние холмы, бывает солнце, бывают чудесные туманы. В два я обедаю (одно блюдо — густой суп или жидкая каша), потом до четырех отдыхаю от обеда, дремлю с книгой. С 4-х до 7-ми опять работаю, с семи до восьми гуляю, в восемь пью кляток, как утром, а в девять забираюсь в постель с полубеллетристикой в свете ночника, и с этим я и засыпаю, а с утра все начинается сначала. Чувствую себя при этом превосходно, работоспособность исключительная, но при этом все же не худею, о чем я мечтаю. В городе бываю всегда по средам (семинар) и иногда остаюсь до четверга (ученый совет).

Твой идиллический образ жизни меня очень привлекает, но я начну его, надеюсь, дней через 10, когда кончу работу.

Ко мне Ты можешь приехать всегда. Ты мне не помешаешь. В парке по воскресеньям можно видеть людей с палитрой. Скоро будут уже только белые пятна на зеленеющей земле. У Тебя таких пейзажей пока нет.

Мой адрес: Заманиловка, Садовая ул. дом 119.

Твоим дамам привет. Целую.

Воля.

2.IV.59.

Дорогой Витя! Мой доклад состоится в понедельник, 6-го апреля, в 5 (17) часов, в аудитории № 12 (малый актовЫй зал) 1-й этаж на-

* Мое пояснение: об этой Заманиловке надо сказать несколько слов. Я о ней узнал раньше, чем Воля; может быть Воля узнал о ней именно от меня: там в 1956 году летом жил Немушка Чирейкин,³⁴ и я там написал его портрет, для чего несколько раз ездил к нему. Но сейчас речь идет не об этом.

Где-то я вычитал, что известный наш художественный и музыкальный критик Владимир Васильевич Стасов любил жить на даче под Петербургом, в Парголово. И название дачного места было указано: Старожиловка. Именно там, на даче Стасова, И. Е. Репин сделал его широко известный портрет в полный рост на ступеньках крыльца, у перил.

Меня заинтересовало, что название «Старожиловка» по своему характеру близко к названию «Заманиловка», да и расположена Заманиловка тоже близ Парголово. Я решил все проверить на месте, поехал туда и в беседах с местными стариками установил, что и сейчас западный, более старый, конец деревни называется Старожиловка. Мне показали и дачу, где жил Стасов. Ее хозяйка еще здравствуют, а сама дача сгорела, — остался лишь фундамент. Хозяйка дома рассказывали мне и о самом Стасове, и о его родственнице — Е. Д. Стасовой, старейшем члене КПСС...

Дом, о котором пишет Воля в письме от 27.III.59, стоит на той же улице, что и бывшая дача Стасова, но метрах в четырехстах восточнее, т. е. дальше от Парголово. А название «Ограбиловка» придумал сам Воля: это намек на то, что хозяйка дорогого с него брала.

лево. Если Тебе нечего делать, то приходи, но по-моему не стоит — я к своей работе как-то охладел. М. б., Ты найдешь более полезное занятие.

Твой Воля.

7.IV.59.

Дорогой Витя! Я очень обеспокоен тем, что Тебя вчера не было на моем докладе. Здоров ли Ты? Жена думает, что Ты принял все-речь мою шутку, что присутствовать на моем докладе бесполезно, но я думаю, что этого никак не может быть. Было многолюдно и интересно, было много выступлений. Это несомненно было мое последнее публичное выступление.* Пиши мне скорее. Я сейчас в городе, надеюсь, что в конце этой недели я сдам рукопись и поеду в Заманиловку, но полной уверенности у меня нет. Все же я уже вскоре вздохну свободнее. Я буду держать Тебя в курсе своих дел, т. к. хочу видеть Тебя в Заманиловке надолго.

Твой друг
Воля.

(В Остер Черниговской области).

Ленинград 11.VI.59.
(Разлив)

Дорогой мой Витя!

Наконец-то от Тебя письмо! Я уже думал, что с Тобой что-нибудь случилось, или что я Тебя чем-нибудь обидел. Но чем я мог Тебя обидеть? Слава богу, все в порядке!

Я очень хорошо представляю себе Вашу жизнь, но не очень хорошо вижу окружающую обстановку и природу. А это для меня сейчас самое главное. Я очень устал, ничего работать и делать не могу. Но когда я на даче, я люблюсь окружающим меня миром, и это заполняет всю мою жизнь, как в детстве, когда восприятие мира — самое главное. Я люблюсь и внуком³⁵ своим, и его пухлыми ручками, и рябинами под окном. Наш домик стоит в пяти шагах от озера, и сквозь деревца я вижу воду, даль, камыши, небо. Ты можешь себе представить, что со мной стало, когда на середину озера, где есть отмель и где растет сочный тростник, приплыла стайка из пяти лосей и, стоя выше живота в воде, стала со вкусом медленно откусывать этот тростник! В бинокль можно было разглядеть даже рога и уши.

У меня грядка, где я высадил штук 40 корней анютиных глазок и посеял настурцию и другие цветы. Были холода (до +4°), ничего не всходило, а теперь стало тепло, и все всходит, и я тоже люблюсь. Одним словом, я под старость стремлюсь к идиллии, и у меня это

* По счастью, это оказалось не так (см., напр., запись от 15.IV.70).

почти что получается. Почти, а не совсем, т. к. в университете мне покоя не дают со всякими бесполезными делами, вроде присутствия на гос. экзаменах (хотя моя специальность в программу не входит) или писания рецензии на программу министерства, которую никто читать не будет, т. к. министерству совершенно безразлично, что думают ленинградские ученые. Есть и более серьезные и тревожные дела. МИР (читай — Музей Истории Религии, что в Казанском соборе) предложил мне переиздать мою книгу «Исторические корни волшебной сказки» (30 п. л.).³⁶ За лето книгу надо переработать и подать. Опять страшное напряжение, а мне хочется отдыха и идиллии. Пока я не начал. Наоборот, я активно ничего не делаю, разве что крашу свою замечательно легкую лодочку, выезжаю на ней на озеро и поглядываю на закат — мне больше ничего не надо. Как все это пойдет дальше — еще не знаю.

Ну вот, Ты мне рассказал про себя, я про себя. Пиши письма и картины! С моей теперешней склонностью всем на свете любоваться я предвкушаю, как буду любоваться Твоей живописью. Передай привет Евдокии Ивановне и в любой форме напомни о моем существовании Таточке.

Твой друг
Воля.

(В Остер).

17.VII.59.

Дорогой мой Витя!

Ты на меня не сердись, что я так долго Тебе не писал. Работа с книгой оказалась очень хлопотливой и мелкой. Сдать надо в июле, и я нахожусь в условиях жесткого цейтнота. Большой частью сиюз в городе. Тут еще большая радость, которая, однако, тоже выбивает из колеи. Приехали две моих сестры, обе уже старушки,³⁷ и их надо устроить. Надо покупать раскладушки (которых нет), одеяла и пр. Они пожили у нас в городе, а теперь они на даче.

Твое письмо я прочел вслух Елизавете Яковлевне, и мы вникали в каждую фразу его, внимательно изучили план.* Ты, видно, живешь не плохо, но все-таки это город, хоть и маленький и хороший, а меня тянет прямо в лес, к мухоморам и чернике. Здесь я раза два, надев резиновые сапоги, бродил по болотам, что я очень люблю.

Из моей идиллии ничего пока не получается, книга стала меня заедать.

Ты прав, что я пишу лаконично, но Ты не поддавайся моему примеру и пиши подробно.

Целую Тебя и обнимаю. Твоим дамам привет.

Твой Воля.

* План нашей квартиры в Остре, веранды, садика.

(В Остер).

Ленинград, 29.VIII.59.

Дорогой мой друг, я нахожусь за Тебя в смертельной тревоге и тоске. Все время были подробнейшие и интереснейшие письма, а потом вдруг — как рукой сняло. Последнее письмо было от меня. Может быть оно до Тебя не дошло? Я не стал писать, т. к. думал, что Ты уехал в Клавдиево, и что я напишу, когда Ты пришлешь новый адрес. Но адреса нет и нет, и я шлю это письмо по старому адресу, без особой надежды, что оно дойдет.

О нас писать почти что нечего. Половину лета я работал сверхинтенсивно и сдал работу в издательство в срок. Вторую половину лета стояла жара, мгла и духота. Я совершенно поник, ничего не делал и делать не мог, спал по 18 часов в сутки и читал беллетристику. Потом пошли Санкт-Петербургские дожди, туманы и холода, и я вдруг ожил и как бы проснулся. 1-го надо приступать к работе. Во время жары мы с женой часто думали о Тебе и о том, как-то Ты ее переносишь. Напиши хоть открыточку! Скоро ли увидимся?

Целую обнимаю Тебя, всей Твоей семье привет. Напиши о них подробно.

Твой Воля.

(В Остер).

Ленинград 4.9.59.

Ты нашелся, Ты жив и здоров, ура! Я Тебе направил письмо в Остер заказное до востребования, получи его, если интересуешься. Наши письма встретились в пути. Студентов в этом году никуда не посылают, мы с Елизаветой Яковлевной уже включились в работу полностью. Жду нового адреса, после чего напишу письмо. Целую. Твой Воля.

Привет большим и маленьким водоплавающим дамам.

(В поселок Клавдиево Киевской обл.).

20 сент. 1959.

Дорогой Витя!

На этот раз я от Тебя отстал — уже два письма от Тебя и одно от Евдокии Ивановны, а мы все не пишем. У нас тоже есть новость. Мы перебрались на житье в Шуваловский парк,* где Ты у меня был. Ты знаешь две комнаты, три окна на юг, два на запад. Пишу Тебе уже не при электрическом свете, на какой я был обречен в своей берлоге, а при утреннем солнце, глядя на поле с одной стороны и на листья клена с другой. Мы устроились хорошо. Андрюша³⁸ с ня-

* Т. е. в Заманиловку, находящуюся сразу за Шуваловским парком.

ней будут жить здесь безвыездно, а мы с Елизаветой Яковлевной наездами. Сейчас у нас картофельные каникулы. Все студенты I—IV курсов завтра, 21.IX, уедут в колхозы на один месяц, и этот месяц мы проведем здесь безвыездно.

Другая у меня новость: Университет получил 600 квартир (60 тысяч кв. метров) и будет строить скоростными методами дом на 60 квартир. Я подал заявление, мою квартиру обследовали и в результате по нашему факультету моя фамилия значится первой на очереди. Посмотрим, что будет дальше. Но пока все идет гладко.

Я очень рад за вас, что вы проводите время так интересно. Моя сестра тоже была в Киеве и в восторге от него. По сравнению с вами мы живем довольно однообразно. Погода у нас неровная — бывают солнце и мелкий дождик, но я ту и другую погоду люблю, не люблю только ветер с сильным дождем. Пока блаженствуем. Андрюша быстро развивается, уже лопочет. Хочется мне поглядеть на Татусю, какой она стала.

Поблагодари Евдокию Ивановну за ее милое и такое женское и интересное письмо. Пиши про Татушку.

Обнимаю Тебя!

Твой Воля.

Запись в моем дневнике:

21.X.59. Наиболее для меня радостной встречей после лета явилась встреча с Волей. Он сейчас временно живет в живописной деревне Заманиловке — за Шуваловским парком, где снял себе «зимнюю дачу» — две отличные светлые комнаты + веранду. Сообщение с городом быстрое — можно с дачи добраться до дома за полтора часа. Он, бедняга, так угнетен темнотой своей городской квартиры, что сейчас буквально блаженствует, окруженный светом и действительно живописными видами из каждого окна!

Ленинград, 29.XI.59.

Дорогой Витя!

Получив Твое письмо, я начал смутно что-то припоминать, взглянул в свою календарную книгу, и увидел там, что 17 ноября Тебе исполнился 61 год. Дорогой мой, поздравляю Тебя от всей души и желаю Тебе здоровья и всего, что из этого вытекает, т. е. хорошего состояния духа, творческих исканий и достижений и других радостей жизни.

Мне сейчас живется трудно. Здоровье не совсем ладное, что мне мешает жить: все делаю медленно и с трудом, все жду какого-то дня, когда я смогу по-настоящему отдохнуть, а таких дней все нет и нет. Первый семестр для меня всегда тяжелый. Вот мое примерноеписание: сообщая тебе для того, чтобы Ты мог меня навестить. По субботам, воскресеньям и частично по понедельникам я на даче. Дорогу туда Ты знаешь. По понедельникам вечером я в городе и свободен, слегка готовлюсь к лекциям. По вторникам днем — лекции, вечером — кафедра (не всегда). По средам днем свободен, вечером — занятия в университете. По четвергам днем свободен, вече-

ром — ученый совет. По пятницам днем лекции, вечером — консультации на дому. Ты сохрани это письмо, и как только надумаешь меня навестить или вызвать меня к себе — так загляни в него. Видеть я Тебя очень хочу. Мы теперь дальше друг от друга, чем были летом, т. к. летом мы хоть переписывались.

То, что Ты пишешь о своих неудачах, не так страшно. Было бы что портить. Если такое бывало с Репиным, почему оно не может быть с Тобой? У меня хуже. Я никакой своей работы не могу испортить, так как никакая работа у меня не ладится. Есть только слабые порывы, после чего предпочитаю лечь на диван. Утешаю себя перспективами на второй семестр. Работаю я сейчас над русскими праздниками — колядой, масляницей, семиком и пр.³⁹ Есть идеи. Это не самое важное, но пока это все, что имею.

Извини меня за то, что пишу на машинке и сажаю отпечатки, это от усталости и от нежелания сосредоточиться.

Обнимаю Тебя и жду. На выставку сейчас мне не успеть, но я утешаю себя тем, что все Твои вещи я увижу в более интимной и приятной обстановке. Твоим большим и маленьким дамам сердечный привет.

Твой Воля.

Ленинград, 1 янв. 1960.

Дорогой мой Витя!

Твое поздравление пришло первым, и я первому же Тебе отвечаю. С своей стороны желаю Тебе здоровья, все остальное сделается само собой, если Ты не будешь болеть.

У меня кончился курс лекций, и я сразу же помолодел и почувствовал себя отлично, сразу же сел работать. Я теперь неделю буду свободен, потом две недели буду только экзаменовывать раза два-три в неделю, потом две недели каникул, потом у студентов педагогическая практика, и в итоге я буду совершенно свободен еще месяц. У меня нет особого желания отдыхать (несмотря на Твою прекрасную открытку с умиротворенным рыболовом), а есть желание быть максимально деятельным. Работаю и *con furore*⁴⁰ убираю квартиру. Буду теперь преимущественно в Заманиловке, но периодичность остается старая: по средам, воскресеньям и понедельникам я там во всяком случае, куда Тебя и зову вместе с Евдокией Ивановной и Таточкой, которых Ты поздравь от меня с Новым Годом.

Целую Тебя.

Твой Воля.

16. II. 1960.

Дорогой Витя!

Ты, видно, не сердись на меня, что я Тебе не сразу отвечаю, и уже привык к этому. Это меня стыдит и окрыляет, и на этот раз я пишу сразу.

Я все хочу опять побывать у Тебя, навестить больного друга, но сейчас заболел ангиной Андрюша, мы привезли его в город, и я боюсь затащить болезнь и заразить Таточку. К своей внучке я тоже не хожу. Таточкино письмо очень интересное, я прочел его со второго чтения совершенно безошибочно. Посылаю ей ответ. Чем Ты объясняешь свои недуги? Не простудился ли Ты, и ведешь ли Ты такой образ жизни, какой нам с Тобой положен? Надеюсь, что Ты скоро поправишься совсем. Я веду образ жизни не совсем соответствующий тому, что нужно: работаю, т. к. связан со сроками. Каждый день делаю две упряжки. В университет мне пока не надо, т. к. мои студенты на практике.

Мне очень любопытно, какое у вас шевеление насчет квартиры. Нам уже начали давать адреса, сегодня едем смотреть. Я плохо верю в реальность всего этого, а жена так и совсем равнодушна. <...>

Пушкина я читаю подряд и в разбивку, всегда, всю жизнь, но плохо его знаю и с литературоведами о нем говорить не люблю, только с друзьями. Памятник у Русского музея⁴¹ — свидетельство полного непонимания Пушкина, самой сущности его. Театральный жест — что может быть хуже? Насколько благороднее и спокойнее памятник на Пушкинской улице.

Твой друг Воля.

1. III. 60.

Дорогой мой Витя!

Как Ты? Я об Тебе скучаю. На этой неделе навестить Тебя не могу. В пятницу 4. III читаю доклад на кафедре и потому усиленно готовлюсь. В субботу с утра уеду к Андрюше отдохнуть, если мороз не будет ниже 10—12 градусов.

Если в пятницу Ты будешь здоров, я буду очень рад Тебя увидеть в числе слушателей (Университетская набережная д. 7/9 аудит. 23, 5 часов), если же нет, то и не надо, мы еще увидимся, тогда Ты и приедешь ко мне, или я зайду к Тебе на той неделе.

Новую квартиру мы осмотрели: юг, высокие потолки, окна в огромный внутренний сад, 2-ой этаж, комнаты 25+12+16 (проходная) + 7 метров (последняя — от кухни). Разместиться можно. Проект, кажется, реален. Есть телефон, ванна, передняя 12 кв. м., где можно расставить книги. Посмотрим! Если не выйдет, нам дадут в одном доме 2 квартиры и 2 комнаты — это тоже неплохо, а частично даже лучше. Я уже сгораю от нетерпения.*

Целую Тебя, Таточку, привет Евдокии Ивановне. М. б. мы вместе будем справлять новоселье.

Твой Воля.

* Эти варианты потом отпали.

От души Тебя поздравляю и обнимаю и желаю, чтобы в этом новом доме Ты был счастлив полностью.* Не торопись устраиваться, не напрягайся, не форсируй — понемножку все устроится. Я приду не очень скоро, когда можно будет думать, что Ты хоть немного пришел в себя и устроился. Наши перспективы не очень определены — пока утешают сентябрем (после лета).

Твой Воля.

26 апр. 1960.

Дорогой друг! Теперь я уже совершенно уверен, что Ты болен, т. к. от Тебя нет ни слуху, ни духу. Я бы давно заехал к Тебе, но боюсь быть некстати, т. к. дел по устройству у Тебя много. Если к тебе можно, то не назначай никакого определенного дня, а напиши мне, с какого дня начиная Тебя можно будет проведать. Учти, что я иногда по 2—4 дня в Старожиловке, и что Твое письмо не сразу попадет в мои руки. Я за Тебя в тревоге, которая не дает мне покою.

Поздравляю Тебя и Твою семью с праздником и желаю его хорошо встретить и провести.

Андрюша болел дизентерией. Едва поправившись, он заболел тяжелым гриппом. Сейчас он в городе, поправляется, и мы надеемся, что к 1 мая его удастся вывезти, но полной уверенности еще нет.

Все остальное у нас по-старому, я работаю до полного одурения и отупения.

Не готовитесь ли вы к лету? Мы остаемся в Старожиловке.

Главное — сообщи о своем здоровье.

Твой Воля.

18.V.60.

Соседушка мой свет, здравствуй!

Не удивляйся. Да, мы соседи; т. е. не сейчас, а может быть в недалеком будущем. Во вторник вечером ко мне является курьер с известием, что мне дают квартиру, и что мне срочно надо дать ответ. Еду срочно в университет. Узнаю: мне дают квартиру в доме № 197 по Московскому проспекту, из четырех комнат, есть лифт. Номер квартиры сообщить не могут, завтра утром в горисполкоме будут расписывать квартиры по жильцам. Я изъявляю согласие.

На следующий день мы с женой поехали смотреть дом. Это — последний по Московскому проспекту — большой, розовый 7-этажный дом, у конца автобуса № 3. Квартиры, выходящие на проспект, еще не готовы. Квартиры бокового флигеля готовы. Мы обошли весь дом, обнаружили, что квартиры бокового флигеля выходят окнами как на двор, так и на улицу (увидели в одном этаже просвет насквозь), т. е.

* В начале апреля мы переехали с ул. Смирнова в отдельную 2-х комнатную квартиру на ул. Ленсовета, 31.

какое-то солнце где-то непременно будет. Нам сказали, что сторож может показать какую-нибудь из 4-комнатных квартир, но сторожа мы не застали, он бывает только с вечера.

Вот! Ночь провели плохо, сейчас вооружился непроницаемой броней терпения и полагаюсь на авось. Авось и выйдет. Сейчас сажу в Старожиловке и работаю по-прежнему. Как-нибудь, когда дело подтвердится, заеду к Тебе, чтобы узнать детали с ордерами, людьми и пр.

Твой Воля.

24.V.1960.

«ДНЕВНИК ПРОИСШЕСТВИЙ»

24.V. Супружеская чета Пропп — Антипова были на концерте в филармонии. В это время на квартиру явилась женщина и стала осматривать все комнаты. Штаны профессора оказались брошенными на диван, а носки его сына, по обыкновению, на середине комнаты на полу. Увидев это, женщина представилась, как председатель М<естного> К<омитета> университета и всех его 12-ти факультетов. Она заявила, что она пришла, чтобы увидеть квартиру и определить, кому ее можно передать. С грустью было отмечено, что в такую квартиру никто не захочет въехать. Потом заявила, что Проппу надо дать квартиру не на Московском проспекте, а поближе, в районе Ланского шоссе. — Пришедши домой и узнав о происшедшем, супруги Пропп пришли в некоторое уныние и ужинали молча.

25.V. Утром означенная супружеская чета поехала в университет и беседовала с означенной женщиной о здоровье, семье, а также о квартире. Выяснилось, что супруги вполне довольствуются Московским проспектом. Тогда им отвели в доме № 197 квартиру № 126, что на четвертом этаже, состоит из четырех комнат по 25, 20, 12 и 12, а всего из 70 метров. Было строго указано, что они должны представить свидетельство о браке, обзавестись новой мебелью, на что дадут ордер, и вообще вести себя благонамеренно.

После этого супруги (т. е. мы) поехали глядеть квартиру. На это было дано две минуты, т. к. рабочие уходили обедать и запирали. Они настилали паркет. В две минуты было установлено, что две комнаты обращены на юг и две на север, что есть ванна, кладовка и два балкона. После этого мы приехали домой и отдохали от происшествий. После этого я стал писать Тебе это письмо.

Дорогой мой! Я получил Твое письмо, я также рад, что мы будем соседями, как и Ты. Кажется, дело налаживается. Кандидатами на этот дом значатся будущий декан и секретарь ученого совета, он же председатель факультетской жилищной комиссии. Чтобы смягчить такое самоснабжение, дают квартиру также одному профессору с филологического факультета. Про другие факультеты не знаю.

Теперь Ты в курсе дела, и я знаю, что Ты будешь за меня переживать.

Да, еще! Окна на Алтайскую и на двор, на приличном расстоянии от шумного проспекта.

Очень хочу Тебя видеть, но пока сажу в работе не только по шее, но и по самый нос.

Привет Евдокии Ивановне и Таточке.

Твой Воля.

Срок совершенно неизвестен. Весь флигель будет заселяться сразу.

(С Московского проспекта).

18.VI.60.

Дорогой Витя! Ты уже давно ждешь от меня ответа. Я не писал, т. к. думал заехать сам. — Не выбраться. Со Стасовым⁴² все очень интересно, но для живописца поживы нет. Не уезжай, не сообщив мне хотя бы открыткой. Мы с Елизаветой Яковлевной хотели посмотреть квартиру, но объявление новое гласит: осмотр квартиры по документам РЖУ. Контора безнадежно закрыта. Узнали, что мы остались в списке, и что список пошел курсировать.

Твой Воля.

(В Тарусу).

30.VI.60.

Дорогой Витя!

Спасибо Тебе, что Ты меня не забываешь. Я мысленно вижу Тебя в окружении средне-русского пейзажа за холстом и с этюдником. Пейзаж я по Твоим описаниям представляю себе очень хорошо.

У меня большое горе: мой внук Митя⁴³ (сын дочки Эли, с которой Ты рядом сидел на юбилее) заболел, по-видимому, лейкозом. По письмам я не все могу понять (был в Москве). Она пишет, что после анализов «не все врачи согласились, что это лейкоз». Я не понимаю, как это возможно. По-моему, анализ должен показать все совершенно ясно, и я подозреваю, что врачи ее утешают, не хотят сразу огоршить. Симптомы: увеличение печени, селезенки, всех желез, гнойное состояние горла, следы незамеченного воспаления легких, температура нормальная, аппетит и самочувствие хорошее, ребенок на ногах, гуляет. Первые сигналы — две недели назад.

Ты уж прости, что я Тебе про это пишу, но я ни о чем другом думать не могу.

Нас вызвали в жилищный отдел университета. Характеристика квартиры была слишком мрачна (она совершенно точна и правдива), такую квартиру Университет не может принять. Заставили написать другую и заверить ее. Сказали, что ордер будет числа 10-го. Мы понемножку расхламляемся и увязываемся. Энтузиазм у меня как-то пропал. Я очень устал. Надеюсь 3-го июля сдать последнюю срочную работу, после этого буду свободен.

Привет Евдокии Ивановне, напomini обо мне Татусеньке. Мне интересно знать, прошла ли у нее шишка.

Целую

Твой Воля.

(В Тарусу).

12.VII.60.
(Из Заманиловки)

Дорогой Витя!

Спасибо тебе за Твои открытки, а также за участие <...>. С квартирой ничего нового. Ордер обещали «числа 10-го», сегодня 12-ое, пока ничего. <...> Мы потихоньку уязываемся. Я убрал все свои рукописи (нарочно) и теперь бездельничаю на даче. Не делаю ничего. Всю срочную работу сдал. Я сдал два тома по 30 п. л. каждый. Один том сказок и один песен.⁴⁴ Состояние несколько томительное. Я ем, сплю, гуляю, читаю.

Моя дочка Эля с своим сыном Митей поехали в Прибалтику с пересадкой в Ленинграде. Я их видел. <...> Оказалось, что одну фразу письма я понял неправильно. Из 5-ти врачей ни один не признал лейкоза. Официальный диагноз: мононуклеоз. Я, однако, все же не спокоен. Я помню, что брат,⁴⁵ которому оперировали рак, был выпущен с диагнозом «язва желудка». Нет ли чего-нибудь похожего и здесь? Ты, как друг, мне скажешь правду, я ни одному человеку ее не сообщу. Почему три врача предлагали немедленно госпитализировать, а двое других не настаивали? Безнадежных ведь тоже не берут в госпитали. У него была жестокая ангина с высокой температурой. Состояние крови объясняется как следствие ангины. Друг мой, помоги мне. Я Тебе и в Тебя верю, как в скалу. <...> Состояние мальчика очень неплохое. Он бледноват, но весел, подвижен, играет, шалит и требует прогулок. На прогулках бежит бегом. Твой совет выполняется: его везут в сухое, здоровое место; пески, дюны, море, режим, питание, свобода.

Как страшно, когда такие маленькие болеют! Я все-таки немножко успокоился, но томит, что нет полной известности. Все пять врачей были женщины. Ни одного мужского ума!

Я надеюсь, что Ты проводишь лето лучше, чем я, и что Ты одолеваем муками и радостями творчества. Попроси Евдокию Ивановну сфотографировать дом, разные виды города и реки, Тебя и Тачку. Передай ей от меня привет.

Твой Воля.

Поправка. Ордер получен, приехал Миша это сообщить, несусь в город. Ура!

(В Тарусу).

15.VII.60.

Дорогой Витя! Во вторник получили ордер, в среду собрались, в четверг переехали. Наш новый адрес — Ленинград М-66, Московский проспект 197 кв. 126. Скоро (м. б. не очень) напишу. Сейчас пишу из своего нового кабинета.

Твой Воля.

(В Тарусу).

21.VII.60.

Дорогой Витя! Большое Тебе спасибо за обстоятельное и содержательное письмо. Ты написал именно то, что нужно. Я полностью убедился, что врачи ничего не скрывают, и обрел полное душевное равновесие. Я всегда верил в Твои врачебные способности и теперь вижу, что не ошибался. <...>

Я на новой квартире! Все уже убрано, т. е. ничего не лежит на полу; насколько хватило стеллажей, книги расставлены. Другие лежат аккуратными штабелями, рассортированы и приготовлены для установки на стеллажи, которые еще будут заказаны. Со вчерашнего дня у нас полный порядок, и я смог сесть за стол, на котором не лежит ничего лишнего, чтобы написать Тебе письмо. Я крепче и выносливее, чем это кажется. Я пилил, сколачивал, подымал доски, книги и т. д. по многу часов в день, но не торопясь и с перерывами. Надумал ли Ты продавать свой стол? Если да, то напиши, я буду ждать Твоего возвращения, если же нет, тоже напиши, тогда я начну искать уже сейчас. Про квартиру не буду писать ничего, Ты увидишь сам. Вчера вечером я в первый раз принял теплый душ в собственной квартире! Уже сданы и приняты документы на прописку. Врезан почтовый ящик, и первое письмо было Твое, и притом такое для меня хорошее и важное. На дачу пока не езжу — еще нет замка и ключей. Из своего кабинета я вижу горизонт и вдали Пулковое. Воздух чистый, в комнате даже попадают комары — для чего же мне ездить на дачу? Но скоро поеду на два-три дня отдохнуть. Пространство перед нашим домом быстро превращается в сад. Трава уже всходит, дорожки посыпаны песком, убирают мусор. К Твоему приезду все будет готово <...>.

Пока до свиданья. Я чувствую себя во всех отношениях превосходно.

Целую Тебя и обнимаю.

Твой Воля.

(В Тарусу).

9 авг. 1960.

Дорогой Витя!

Давно Тебе не писал. Это происходит потому, что наша новая квартира стала обнаруживать некоторые отрицательные свойства. Основное из них — она имеет свойство быстро и основательно оглуплять своих обитателей. Оглуплять и инфицировать ленью. Самочувствие при этом превосходное. Тем опаснее эта новая болезнь, т. к. нет никакого желания излечиться от нее. <...>

Я очень рад, что Ты уступаешь мне свой стол. <...> В обмен я Тебе стола дать не могу. Наш маленький стол очень плох, мы хотели его ликвидировать, но его у нас вымолила Анастасия Яковлевна.⁴⁶ В магазинах часто бывают маленькие удобные и красивые мужские

столы германского производства с одним шкафиком. На вырученные деньги Ты купишь такой стол (ок. 600 р.).

Мы переезжаем 1 сентября в город.

Вот пока и все.

Не забудь передать Евдокии Ивановне и Таточке привет.

Твой Воля.

(В Тарусу).

19.VIII.60.

Дорогой Витя! Наши письма разошлись в пути. Спасибо Тебе за такое подробное письмо. Я опять в состоянии напряженности. Книга в сентябре пойдет в набор. Редакция потребовала разных технических изменений рукописи. Опять сижу. <...> Я купил пианино.

17.III.61.

Дорогой Витя! С большим интересом читал Твое письмо. Мне тоже захотелось ездить, как-то хоть на время выбраться за пределы Ленинградской области. Вряд ли это выйдет, но мечтать можно. Мечтаю о звонницах, старых церковках на холме в березках и прочих вещах. Я выздоровел. Только вот не молодею что-то.

Твой Воля.

(В Тарусу).

20.VI.61.

Дорогой Витя!

Я по Твоим письмам, рассказам и фотографиям очень хорошо представляю себе Тарусу и вашу жизнь. Там, конечно, очень хорошо. Меня даже потянуло туда. Есть даже гостиница и притом чистая... Но это вряд ли осуществится. Я каждый день работаю над книгой, и пока я ее не сдам, я никуда не поеду, а когда я ее сдам, я не знаю. Сейчас начались экзамены, экзаменую каждый день. Жизнь у меня заполнена, и я вполне доволен ею. Мечтаю отдохнуть, т. е. гулять, ничего не делать, снимать, лежать в шезлонге.

Смерть Миловского⁴⁷ меня не удивила. Он мне уже тогда казался странно дряхлым, несмотря на фото и машину. Смерти я не боюсь, я пожил достаточно, дети мои устроены. Она — закон природы.

Благословен и день забот,
Благословен и тьмы приход.

(Пушкин)⁴⁸

Миловский, наверное, все-таки допустил какую-то неосторожность или неумеренность. <...>

Хотя мы с Тобой видались не очень часто, но все-таки без Тебя как-то скучновато. Возможность в любое время зайти к Тебе, чтобы непринужденно часок побеседовать, уже имела какое-то значение. Евдокии Ивановне и Таточке привет.

Твой Воля. <...>

(В Тарусу).

Ленинград, 30.VI.61.

Дорогой Витя!

Я Тебе уже не раз говорил, что с сегодняшнего дня я освобождаюсь и смогу вздохнуть. И потом через 2—3 дня все летело вверх тормашками. Так что и сегодня Ты можешь мне не верить, что у меня начался отпуск, что в университет я до сентября ни ногой, кроме как для получения отпускных денег, что совсем не затруднительно. <...> В отпуск я не буду сплошь лежать в шезлонге, а буду кончать книгу, и предвидятся и всякие другие работы по той же части, но это для меня уже не обременительно, а наоборот. На днях снесу машинистке последнюю порцию, после чего берусь за фотоаппарат и грибы, а также за внука, с которым я почти что раззнакомился, так как он на даче, а я в городе. <...>

В нашем доме заканчивают оборудование большого магазина, уже есть шикарные прилавки, витрины выложены черным стеклом и т. д. Я мечтаю купить в этом магазине замок для нашей двери, так как их нигде нет.

У нас есть приятная новость: нам поставили телефон. Запиши номер: К-70-12-59. Мало ли на что он Тебе пригодится. Когда у нас не было телефона, нам казалось, что мы без него просто не можем жить. А теперь я не могу придумать, кому бы мне позвонить. <...>

Я немножко обеспокоен тем, что от Тебя давно ничего нет. Здоров ли Ты? Пишется ли Тебе? Целую и обнимаю. Твоим дамам передай мой самый сердечный привет.

Твой Воля.

(В Тарусу).

Ленинград, 14.VII.61.

Дорогой мой друг!

Ты меня не забываешь и пишешь мне, я тоже Тебя не забываю, но не пишу. Причина же этого в том, что я опять пребываю в состоянии самой крайней напряженности и спешки. В тот день, когда я кончил свою книгу и сдал ее машинистке, с чем надо было очень торопиться <...>, я получил из типографии Академии Наук корректуру сказок, которые я редактирую,⁴⁹ — я Тебе об этом говорил. Корректурa чрезвычайно сложная и кропотливая. Я просидел две недели в городе в самом напряженном труде. Вчера днем я ее кон-

чил, а вечером мне звонит машинистка, что рукопись перепечатана. Теперь буду править ее, что легче, чем корректура чужих сказок. Далее из журнала «Вопросы Литературы»⁵⁰ просят написать рецензию, а из Дибреченского университета — дать им что-нибудь для их ежегодника. Далее... но, впрочем, хватит. В промежуток я ездил в Москву на защиту диссертации, по которой я выступал оппонентом. Потерял два дня, хотя и было интересно. Вот так мы и живем.

Поздравь, пожалуйста, милую Евдокию Ивановну с прошедшим днем ее рождения. Я желаю ей быть здоровой, довольной и набрать много грибов, ягод и наловить рыбы. Если бы я был с вами, я принимал бы в этом участие с большим энтузиазмом, особенно насчет грибов. Впрочем, из Петрозаводска мне пишут, что там заблудилась в лесу мать одной университетской работницы. Был мобилизован взвод солдат, но ее не нашли. Через сутки она вышла из леса сама, пройдя 24 километра по прямой. Так что будьте осторожны.

Приехала сестра Альма, но она пока в санатории. Приехал еще мой племянник со своим сыном. Ничего, как-нибудь устроимся. Кстати: Москва произвела на меня впечатление полнейшей, пронизывающей весь город безалаберщины. Там на моих глазах поезд с Ленинградского вокзала ушел на пять минут раньше срока, так что проводники бросались в поезд на ходу, а провожающие выскакивали. И так все. Так была организована защита. Так было и на банкете. Стульев и приборов было 10, а приглашенных было 16. Тем не менее все как-то устроилось, и все были веселы и напились. Вина и закусок тоже не хватало, так что хозяйка во время ужина бегала по магазинам. А пишу я это потому, что сейчас и мы не знаем, как мы расположимся, когда одновременно придут все. Но как-нибудь обойдется.

Извини, что я Тебе пишу на машинке (по-моему, это невежливо), но это упрощает и ускоряет дело.

В Репине я был раза три. Но в общем все это не так страшно. Отдохнуть, конечно, нужно. Как-нибудь отдохну. Самое трудное все-таки позади.

Жму руку.

Твой Воля.

(В Тарусу).

Ленинград, 25.VII.61.

Дорогой Витя!

Приехав с дачи, я несказанно обрадовался, увидев от Тебя письмо, и еще больше обрадовался, когда прочитал его. Спасибо Тебе за Твое ласковое, доброе, гостеприимное предложение побывать в Тарусе. Мне это и самому кажется очень заманчивым, и я играл с этой мыслью. Но придется отложить. Я кончил, правда, все срочные дела. Целых три дня я упражнялся в великом искусстве полного ничегонеделания. Я валялся в постели до 10, ел, пил, опять спал, лениво читал беллетристику, гулял, слушал шум леса и моря, смотрел

за внуком и чувствовал блаженство. Я с успехом нечто подобное мог бы продолжать все лето где угодно. Но беда вся в том, что срочная работа кончилась, а несрочная, но такая, которую спокойно можно (и нужно) сделать к 1 сентября, осталась. Приходится наезжать в город. Я уж не буду говорить Тебе, в чем эта работа состоит, она меня не тяготит, но и не отпускает.

Мне очень дорого, что мои успехи Тебя радуют. Сам я к ним довольно равнодушен и отдал бы их за обыкновенное спокойное семейное счастье. Нас шестеро очень разных людей, и покоя дома я не имею. Я могу, правда, замкнуться в своей комнате, но счастье не в книгах. Я часто вспоминаю о том, что Ты мне писал о своей бесполезности, но я Твоих мнений не разделяю. Ценность человека определяется не его делами, а тем, что он из себя представляет. Есть академики, которых я презираю, и есть самые обыкновенные люди, с которыми мне легко и хорошо, потому что это настоящие люди. Сам я себя к таким не причисляю, но мерило у меня очень точное и определенное.

Но я, кажется, уже начал философствовать, а это скучно, философию (всякую) ненавижу, люблю жизнь.

Поэтому перехожу к более интересным материям. Таточкина открытка меня умилила. Я ей пишу отдельно, надеюсь, что оба письма придут вместе. Я сквозь каракули (которые я очень хорошо сразу разобрал без Твоих стрелок, на которые я сперва даже не обратил внимания) прочел все ее существо маленькой девочки, которая так старательно выводит буквы и знает, что ее поймут. <...>

Обнимаю Тебя и целую. Привет Евдокии Ивановне.

Твой Воля.

(В Тарусу).

Ленинград, 27.VI.62.

Дорогой мой Витя!

Я очень обрадовался Твоему письму. Отчасти завидую Тебе. Ты умеешь выискивать и смотреть интересное. Я не знал, что «Дом Ростовых» сохранился. В Донском монастыре я тоже когда-нибудь побываю, и не столько для могил, сколько для остатков русской старины, которую я так люблю, как будто это мое родное. Я хочу также раньше, чем помереть, увидеть Троице-Сергиеву лавру. Я мысленно ходил с Тобой. Моя жизнь здесь совсем другая. Я не могу порадовать Тебя описанием мест, где я бывал. Но если Ты мне пишешь о тех пространствах, где Ты гулял, я могу только прислать Тебе кусочек своего времени. Вчера приехал Миша⁵¹ проездом (вернее — пролетом) на Дальний Восток, куда он едет по поручению Института Зоологии АН. Это было вчера вечером. Сегодня же день мой был таков: утром я смотрел докторскую диссертацию одной милейшей старушки, которая, однако, в докторицы не годится, и размышлял о том, как бы сделать так, чтобы ей было не обидно. Тут вошел Миша и просидел у меня часа два, и мы с ним по-приятельски го-

ворили о чем угодно. Наши дети для нас все-таки потемки, мы мало их знаем. Тут я его ближе узнал, и он мне очень понравился. За грубоватой внешностью и саркастическим юмором кроется много души и мыслей.

Дальше я докторскую читать не стал, а поехал в университет получить на руки разрешение печатать свою статью в ГДР.⁵² Обратный путь ехал через Кузнечный рынок, где у так называемых спекулянтов купил кило огурцов, чтобы собственноручно сделать для Миши салат, так как в своем Заполярье он не имеет свежих овощей. По дороге с рынка набрел на книжный киоск, где неожиданно для самого себя купил перевод «Гаргантюа и Пантагрюэля», который полностью никогда не читал. <...> Открыл Рабле и сразу увидел, что переводить это совершенно невозможно, хотя перевод и неплохой. На одной из страниц нарисован контур бутылки, а внутри этого контура нечто вроде похвалы пьянству. Мне захотелось выпить.

Вечером опять читал докторскую, а сейчас пишу Тебе письмо.

Узнал, что огурцы я купил зря, ибо Миша с Луизой пошли в Сад Отдыха слушать японский джаз, а потом пойдут ужинать в ресторан. Ну, ничего. Может быть они съедят огурцы еще и после ресторана.

Вот так мы и живем. До 2-го (отпуск) я занят каждый день и в Репине не бываю.

В Кижы я, кажется, все-таки поеду. Пока прочел все нужное у Грабаря.⁵³ Ну, будь здоров, кланяйся своим дамам.

Погода холодная и дождливая, купаться и думать нельзя.

Твой Воля.

¹ «Бедный Иоанн» (нем.). Повесть, по-видимому, не была написана. В фонде В. Я. Проппа хранятся стихи (на нем. яз.), повесть «Древо жизни» (на рус. яз.), которые готовятся к публикации.

² Вероятно, речь идет о монографии «Исторические корни волшебной сказки» (Л., 1946; 2-е изд. Отв. ред. В. И. Еремина и Н. М. Герасимова. Л., 1986).

³ *Евдокиюшка* — Евдокия Ивановна Шабунина, вторая жена В. С. Шабунина.

⁴ В. С. Шабунин работал в Военно-медицинской академии в Ленинграде.

⁵ *Евгения Сергеевна Шабунина* — сестра В. С. Шабунина.

⁶ *Эккартсгаузен* (1753—1803) — немецкий писатель, автор многочисленных юридических, беллетристических произведений.

⁷ Вторым браком В. Я. Пропп был женат на Елизавете Яковлевне Антиповой (1905—1979), преподавателе английского языка в Ленинградском государственном университете.

⁸ Дети В. Я. Проппа от первого брака — Мария Владимировна Пропп (р. 1924 г.), Елена Владимировна Шурыгина (1932—1993); от второго — Михаил Владимирович Пропп (р. 1937 г.).

⁹ Речь идет о монографии «Русский героический эпос» (Л., 1955; 2-е изд. М., 1958).

¹⁰ Имеется в виду фотоаппарат. В. Я. Пропп серьезно увлекался фотографией. В его фонде в ИРЛИ хранится часть его работ.

¹¹ Речь идет о картинах кисти В. С. Шабунина.

¹² Речь идет об Андрее Викторовиче Шабунине.

¹³ В. Я. Пропп родился 16 (28) апреля 1895 г.

¹⁴ Речь идет о дочери В. Я. Проппа — Марии Владимировне и ее дочери Татьяне.

¹⁵ С. Т. Коненков (1874—1971) — известный русский скульптор.

¹⁶ *Пропп Альма Яковлевна* (1897—?) — младшая сестра В. Я. Проппа.

¹⁷ Речь идет о чествовании В. Я. Проппа по поводу его шестидесятилетия.

¹⁸ *Жирмунский Виктор Максимович* (1891—1971) — филолог, профессор ЛГУ, чл.-корр. АН СССР (с 1939 г.), академик (с 1966 г.).

¹⁹ *Адрианова-Перетц Варвара Павловна* (1888—1972) — историк литературы, чл.-корр. АН СССР (с 1943 г.) и АН УССР (с 1926 г.). В 1947—1954 гг. возглавляла сектор древнерусской литературы Института русской литературы.

²⁰ *Эйхенбаум Борис Михайлович* (1886—1959) — литературовед, профессор ленинградских вузов.

²¹ В. Я. Пропп пишет о подготовке издания: Народные русские сказки А. Н. Афанасьева в 3-х т. / Подгот. текста и примеч. В. Я. Проппа. М., 1957.

²² Кандидатская диссертация Е. Я. Антиповой, к сожалению, не была написана.

²³ Речь идет об одной из рецензий на монографию «Русский героический эпос», вероятно, о рецензии Б. Н. Путилова (Звезда. 1956. № 3. С. 183—184).

²⁴ В январе 1957 г. французский актер Ив Монтан был на гастролях в Ленинграде.

²⁵ *Рихтер Людвиг* (1803—1884) — немецкий живописец и график.

²⁶ Речь идет о дочери В. Я. Проппа — Марии Владимировне и его внучке — Татьяне Зеленовой (р. 1956 г.).

²⁷ См. примеч. 5.

²⁸ *Таточка* — Татьяна Викторовна Шабунина (р. 1954 г.), дочь В. С. Шабунина.

²⁹ В. Я. Пропп так никогда и не был выбран в Академию Наук СССР.

³⁰ *Пропп Луиза Николаевна* (р. 1935 г.) — невестка В. Я. Проппа, жена его сына Михаила Владимировича.

³¹ *credo* (лат.) — верую.

³² *Галя* — Галина Викторовна Шабунина, дочь В. С. Шабунина от первого брака.

³³ Монография «Проблемы комизма и смеха» была опубликована после кончины В. Я. Проппа (М., 1976).

³⁴ *Чирейкин Немушка* — неустановленное лицо.

³⁵ Внук — Андрей Михайлович Пропп (р. 1958 г.), сын Михаила Владимировича.

³⁶ Переиздание книги в 1950-е гг. не состоялось. См. примеч. 2.

³⁷ Элла Яковлевна и Альма Яковлевна Пропп — старшие сестры В. Я. Проппа.

³⁸ См. примеч. 35.

³⁹ Владимир Яковлевич начал работу над монографией «Русские аграрные праздники. Опыт историко-этнографического исследования» (Л., 1963; 2-е изд. СПб., 1995).

⁴⁰ *Con furore* (лат.) — с яростью, с отвращением.

⁴¹ Речь идет о памятниках работы скульпторов М. К. Аникушина (р. 1917) и А. М. Опекушина (1838—1923).

⁴² Вероятно, речь идет о пребывании Стасова в Сторожиловке.

⁴³ *Митя* — Дмитрий Анатольевич Шурыгин (р. 1956 г.), внук Владимира Яковлевича, сын Елены Владимировны.

⁴⁴ Владимир Яковлевич готовил к изданию книги: «Народные лирические песни / Вступ. статья, подгот. текста и примеч. В. Я. Проппа» (Л., 1961) (Библиотека поэта. Большая серия) и «Севернорусские сказки в записях А. И. Никифорова» (М.; Л., 1961).

⁴⁵ *Пропп Роберт Яковлевич* — старший брат Владимира Яковлевича.

⁴⁶ *Антипова Анастасия Яковлевна* — свояченица Владимира Яковлевича, сестра его жены.

⁴⁷ *Миловский* — неустановленное лицо.

⁴⁸ Пушкин А. С. Евгений Онегин // Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 10 т. Изд. 4-е. Л., 1978. Т. 5. С. 110.

⁴⁹ См. примеч. 44.

⁵⁰ См.: *Пропп В. Я.* Проблемы исторической песни // Вопросы литературы. 1962. № 2. С. 207—209. (По поводу книги: Путилов Б. Н. Русский историко-песенный фольклор XIII—XVI веков. М.; Л., 1960).

⁵¹ *Пропп Михаил Владимирович* (р. 1937 г.) — сын Владимира Яковлевича, известный ученый, доктор биологических наук.

⁵² Возможно, речь идет о статье: Märchen der Brüder Grimm in russischen Norden // Deutsches Jahrbuch für Volkskunde. Berlin, 1963. Bd. 9. S. 104—112.

⁵³ *Грабарь И. И.* (1871—1960) — советский живописец и искусствовед, нар. художник СССР. Гл. ред. и один из авторов «Истории русского искусства» (Т. 1—13. 1953—1969).